УДК 82-32
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-2-120-127

Жанр пасхального рассказа: завершение духовно-нравственных исканий А. П. Чехова («Святою ночью», «Студент», «Архиерей»)

Я. О. Козлова

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

Рассматривается реализация жанра пасхального рассказа в «вершинных» произведениях А. П. Чехова, посвященных духовно-нравственной проблематике («Святою ночью» (1886), «Студент» (1894), «Архиерей» (1902)). Выявляются типологические черты пасхальной словесности, нашедшие отражение в календарных текстах писателя. Обосновывается их органичное включение в художественный мир Чехова.

Рассказ «Святою ночью» отмечен лиризмом и нарастанием драматизма изображения посредством пейзажных зарисовок, соотносимых с онтологической составляющей таинства, происходящего в Святое воскресенье. Проблематика произведения раскрывается в том числе посредством включения в повествование оппозиций «чуткие / грубые персонажи», «хаос / гармония». Выделяются пасхальная мотивика и атрибутика, присущие жанру «классического» пасхального рассказа.

В рассказе «Студент» общность телесного и духовного, созвучная описанию природы, только усиливается. Демонстрируется взаимопроникновение времени и пространства и веры в существование всеобщей связи между людьми и эпохами, неподвластное течению истории. Беседа у костра поздним вечером, в Страстную пятницу, помогает герою переосмыслить свою жизнь и осознать первостепенность сопричастности к страданиям и переживаниям других. В рассказе проявляется установка на позитивное начало и транслируется ценность «вечных» истин – правды и красоты.

В «Архиерее», подобно рассказам «Святою ночью», «Студент», Пасха продолжает осмысляться как сложное явление, представляющее собой борьбу двух начал: идеального и материального. Конфликт заключается в невозможности гармоничного сосуществования двух сторон личности героя, трудности его самоопределения: почетное общественное положение (епископ) затмевает данность человека как такового. Архиерей страдает от одиночества и непонимания близких людей. Его духовное воскресение становится возможным только на пороге смерти путем единения с окружающим природным миром, обращения к детским воспоминаниям и тихим мирским радостям. В рассказе отмечается необходимость следовать заветам философии обыденного сознания, осознавать ценность истины и красоты, сторониться лжи и навязывания ролевых функций. Подчеркивается стремление к преодолению душевной разобщенности и ощущению себя частью универсума.

Ключевые слова

А. П. Чехов, календарная проза, пасхальный рассказ, пасхальные сюжеты, пасхальные мотивы

Для цитирования

Козлова Я. О. Жанр пасхального рассказа: завершение духовно-нравственных исканий А. П. Чехова («Святою ночью», «Студент», «Архиерей») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 2: Филология. С. 120–127. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-2-120-127

© Я. О. Козлова, 2021

The Easter Short Story Genre as the Result of Spiritual and Moral Strivings of A. P. Chekhov (*On the Night before Easter*, *Student*, and *Bishop*)

Ya. O. Kozlova

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Purpose. This paper aims to examine the short stories *On the Night before Easter*, *Student* and *Bishop* by A. P. Chekhov, which the author unites into an individual Easter story cycle based on their common spiritual and moral challenges and particular calendar time – the Easter.

Results. The landscape in *On the Night before Easter* is in consonance with thoughts and inner world of the storyteller, novitiate Hieronimus and idling folk. By depicting nature, Chekhov manages to antithesize 'spiritual' and 'fleshly', 'true' and 'borrowed' knowledge. Easter motifs and attributes also contribute to this atmosphere. In this short story, Chekhov portrays the Church representatives as common people, which results in powerful emotional feedback from the readers.

The main idea of the Easter short story *Student* – the issue of human memory, belief and time. At Easter the protagonist – Ivan Velikopolskii – has 'resurrected', feels a desire to live and enjoy his life. An accidental meeting with two women at the campfire on Great Friday allows him to acknowledge the importance of being involved in someone else's suffering and uniting with people.

In *Bishop*, one of Chekhov's 'top' works, Easter motifs, attributes and landscape sketches help the writer to reveal the protagonist's inner world and get through the author's idea of the value of human life. This story finalizes many motifs and themes typical for Chekhov's mature works.

Conclusion. The works represented in this article are united by common themes, plots and Easter motifs and multiple psychological details embedded in the narration, which depict the inner world of characters. Landscape descriptions correlating with the characters' spiritual state also play a significant role.

Keywords

A. P. Chekhov, calendar prose, Easter short story, Easter plot, Easter motifs

For citation

Kozlova Ya. O. The Easter Short Story Genre as the Result of Spiritual and Moral Strivings of A. P. Chekhov (*On the Night before Easter*, *Student*, and *Bishop*). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 2: Philology, p. 120–127. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-2-120-127

Введение

Включенность творческого мышления А. П. Чехова в естественный «календарный» процесс обосновывается обращением писателя к жанрам новогодней, святочной, рождественской и пасхальной словесности. Отличительными особенностями последней являются приуроченность к пасхальному циклу (от Прощеного воскресенья до Троицы), явный дидактизм, особый хронотоп – наличие в произведениях двух миров: мира земного и мира горнего, которого герой должен достичь в результате нравственного, часто сопряженного с духовными и физическими страданиями, перерождения; особая праздничная атрибутика и мотивика (лазурный, белый, пурпурный цвета; пасхальный кулич, свечи, верба и др.; мотив духовного возрождения, очищения, становления на путь истинный, мотив сопричастности, раскаяния, прощения грехов и проч.), а также счастливая развязка, пасхальное «чудо», посредством которого герой приближается к познанию духовных истин.

В своих зрелых пасхальных произведениях («Бабы» (1888), «Скрипка Ротшильда» (1894), «Убийство» (1895) и др.) Чехов отказывается от авторской иронии и пародийных ситуаций, высмеивания погрязших в суетности жизни персонажей. Он прибегает к «классическому» пасхальному рассказу, наполняя его этико-философским содержанием и традиционной пасхальной мотивикой. Наличие духовно-философской проблематики, в рамках которой осмыс-

ляется бытийный смысл существования человека, обращение к лирико-музыкальному слову (высокому поэтическому библейскому логосу), психологизм, раскрывающийся в том числе при помощи природных описаний, позволяет нам рассматривать произведения писателя «Святою ночью» (1886) – «Студент» (1894) – «Архиерей» (1902) в качестве целостного смыслового единства [Калениченко, 2003. С. 103; Собенников, 1997. С. 126].

Результаты исследования

«Святою ночью» (1886)

Основное фабульное действие в рассказе «Святою ночью» разворачивается в Светлое воскресенье. Экспозиция предваряется лирическим описанием пейзажа, увиденного рассказчиком: «Было темно, но я все-таки видел и деревья, и воду, и людей... Мир освещался звездами, которые всплошную усыпали все небо. Не помню, когда в другое время я видел столько звезд. Буквально некуда было пальцем ткнуть. Тут были крупные, как гусиное яйцо, и мелкие, с конопляное зерно... Ради праздничного парада вышли они на небо все до одной, от мала до велика, умытые, обновленные, радостные, и все до одной тихо шевелили своими лучами <…>» [Чехов, 1976. Т. 5. С. 92] [1]. Предрассветное спокойствие и благодать, сопутствующие тихому пасхальному утру, созвучны кроткому образу прислужника Иеронима, переправляющего на пароме людей с одного берега на другой, в монастырь, на праздничную службу.

Чехов был одним из первых, кто начал изображать священнослужителей как людей мыслящих, чувствующих и способных на глубокие душевные переживания. Он стремился «очеловечить» ранее неприступных в строгости и догматичности священнослужителей, обнаружить в них обычных людей, близких к своей пастве (см., например: «Ведьма», «Кошмар» (оба 1886), «Перекати-поле» (1887)).

Так и Иерониму, простому послушнику, свойственны чуткость и особая душевная восприимчивость, позволяющие скорбеть по умершему другу, иеродьякону Николаю, откликаться на его творчество – умерший сочинял необыкновенной красоты акафисты. Иероним оплакивает усопшего, который был к тому же необыкновенно порядочным и добрым человеком и не искал славы и признания – не желал, чтобы его акафисты были напечатаны. За безгрешную и благочестивую жизнь Господь наградил иеродьякона: он умер в обедню в Великую субботу, а такая смерть в православии почитается за особую радость и даруется только праведникам. Заметим, что архетип Праведника у Чехова тесным образом связан с индивидуальным нравственно-религиозным опытом героя, который тот не пытается сообщить или навязать другому. Послушник Иероним духовно сближается с Николаем, они становятся как бы близнецами – воплощение приема зеркального отображения. Вместе они «несут в мир подлинно человеческое, которое в авторской интерпретации равно божественному» [Собенников, 1997. С. 130].

Светлым, необычайно кротким и смиренным образам Иеронима и Николая противопоставлены суетные монахи, которые далеки от благости, снизошедшей на первых двух священнослужителей. Так, они не способны по достоинству оценить красоту и поэтичность акафистов Николая, им не чужды мирские страсти, которым они предаются даже в самый Святой день – Пасху. Никто из них не старается вникнуть в слова праздничной службы – монахи нетерпеливо ждут ее окончания, чтобы отправиться разговляться к архимандриту.

К первой оппозиции (чуткие / грубые персонажи) семантически примыкает вторая, центральная – разница между воодушевленными, одухотворенными и суетливыми людьми, которые духовно слепы и не могут трезво оценить происходящее. К последним принадлежит и сам рассказчик: в ожидании парома он неспокоен, раздражителен, красота и благолепие окружающей природы его не трогают. Во время беседы с Иеронимом он сожалеет, что вот-вот может начаться «один из тех “продлинновенных”, душеспасительных разговоров, кото-

[1] В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы в круглых скобках.

рые так любят праздные и скучающие монахи» (т. 5, с. 95). Кажется, что его соболезнования послушнику неискренни, так как он всего лишь подделывается под монашеский тон. Наконец, во время службы рассказчик сливается с шумной, поверхностной толпой, не вникающей в суть вещей.

Хаосу, движению людей внутри и вне стен монастыря противопоставлено неподвижное состояние природы. Пейзаж психологичен и ассоциируется с восприятием действительности автором-повествователем: в начале рассказа (еще темно, не рассвело) природа тиха, затем, сообразно мироощущению рассказчика, слышится звон колокола, в небе появляются беспокойные огни – праздничная иллюминация; наконец, в финале (раннее утро) преобладает чувство усталости, герою чудится, что «деревья и молодая трава спали. Казалось, что даже колокола звонили не так громко и весело, как ночью. Беспокойство кончилось, и от возбуждения осталась одна только приятная истома, жажда сна и тепла» (т. 5, с. 102). Рассказ завершается описанием ясного, свежего утра и обратного пути паромщика. Смыслообразующую функцию описания природы в текстах автора подчеркивали многие исследователи (см. [Кубасов, 1998; Парфенов, 2016; Шехватова, 2003] и др.).

В рассказе неоднократно проявляются такие пасхальные мотивы, как мотив спасения души, мотив воскресения и мотив креста. В повествование включены праздничная атрибутика (куличи, красные восковые свечи, колокольный благовест) и характерная цветовая палитра (пурпурные, багровые, золотые цвета). Мотив воскресения сосредоточен на усопшем Николае: он умер во время Пасхи, рассказчик не может найти его тела, а творения иеродьякона и воспоминания о нем будут жить в памяти Иеронима и других монахов. Мотив креста реализуется в описании жизненного пути Николая (и отчасти послушника Иеронима): его душа не очерствела от того, что его великий дар – написание благодатных акафистов – оказался неоцененным и невостребованным даже среди братии. Обозначенные мотивы способствуют пониманию авторской идеи, более полно раскрывающейся в двух других произведениях цикла.

«Студент» (1894)

В пасхальном рассказе «Студент», пронизанном историческим оптимизмом, утверждается позитивное начало: главный герой, студент духовной семинарии Иван Великопольский, в финале испытывает душевный подъем и вступает на путь коренного преобразования своей жизни. Он молод (ему 22 года), здоров и в состоянии изменить свою судьбу.

Несмотря на то что «Студент» занимает неполных четыре страницы, в нем выразились смысловые доминанты, проходящие красной нитью сквозь все творчество А. П. Чехова. Так, главный герой приходит к выводу, что «правда и красота, направлявшие человеческую жизнь <…>, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле» (т. 8, с. 309). В движении сюжета рассказа совершается перемена мыслей и чувств героя, он является рупором авторских идей и мировоззренческой позиции, которая проявится в финале повествования.

В завязке читателям сообщается о возвращении с тяги сына дьячка, Ивана Великопольского, в Страстную пятницу. Время выбрано неслучайно: согласно церковному календарю в этот день был распят Иисус Христос, чья смерть сопровождалась солнечным затмением: «Было же около шестого часа дня, и сделалась тьма по всей земле до девятого часа: и померкло солнце, и завеса в храме раздралась по середине» (Лука, 23: 44–45). Великопольский же бредет в сумерках, по темноте. Ему неуютно, зябко и невесело. Он не хочет оказаться в холодном доме, где по случаю церковного праздника не готовили еды. Кажется, будто сама природа вторит чувствам семинариста: ей тоже жутко, «оттого вечерние сумерки сгустились быстрей, чем надо» (т. 8, с. 306).

Мотивы темноты, мрака и холода коррелируют с душевным состоянием героя и создают картину дисгармонии мира, не предполагающего спасения. Семинарист грешен; в Страстную седмицу он становится причастен к убийству: стреляет вальдшнепов, умерщвляет, подобно

ссыльному Федору Степановичу («Вор», 1883) и чиновнику Невыразимову («Мелюзга», 1885) божью тварь. Мрачные размышления Великопольского о суетных вещах сменяются неутешительными мыслями об историческом развитии, в котором семинарист видит лишь ужасы, которые «есть и будут, и оттого, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше» (т. 8, с. 306).

Однако настроение героя меняется, когда он замечает костер, разведенный вдовой Василисой и ее дочерью Лукерьей. Глядя на огонь, студент рассказывает им евангельскую легенду об апостоле Петре, который в ночь распятия Господа так же, как и они сейчас, грелся у костра, а под утро трижды отрекся от Христа. Его рассказ находит живой отклик в душах слушательниц, заставляет их сопереживать страданиям Бога. Это поражает Великопольского, который внезапно осознает, что спустя столько лет Страсти Христовы способны вызвать сострадание и любовь в сердцах людей. Герой переживает бытийное потрясение, его душа очищается от мрака. Ему кажется, что пространственно-временные границы размыкаются, что между людьми и вещами существует всеобщая связь, неподвластная течению истории. В душе студента воцаряется гармония, он словно повторяет пусть апостола Петра: от «тьмы» к «свету», от отречения от Спасителя и непринятия божьих законов к утверждению Правды Иисуса Христа. Ему на долю секунды удается постичь истинный смысл бытия, который заключается в стремлении к правде, красоте и гармонии, умении чувствовать боль и скорбь, отказе от уныния. Звучит чеховская тема первоначальной отчужденности героя, которая трансформируется в типичный для пасхального рассказа мотив единения и способности сопереживать другим. Особенно ярко это проявляется в эпизоде с женщинами, которые реагируют на описываемые в легенде события так, будто бы они случились с близким для них человеком.

В рассказе утверждается самоценность жизни, важность обретения связей между другими людьми, победа духовного начала над телесностью – не случайно после встречи с путницами Великопольский уже практически не замечает холода, а чувствует только свою молодость, здоровье и силу. Им овладевает «невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья», его чувства вторят мироощущению автора-повествователя (т. 8, с. 309). Однако А. П. Чехов все же не отказывается признавать амбивалентность мира: в его художественной концепции сосуществуют добро и зло, «свет» и «мрак», пронизывающий холод и тепло от костра. Но писатель не берется логически растолковать смысл бытия – он только указывает на взаимосвязь прошлого и настоящего, событий и людей.

«Архиерей» (1904)

Рассказ «Архиерей» – один из «вершинных» прозаических текстов писателя – не раз попадал в исследовательское поле чеховедов, которые справедливо отмечают в произведении завершение основных тем, мотивов и эстетических доминант А. П. Чехова (см. [Бердников, 1997; Жилякова, 1994; Линков, 1982; Тюпа, 1989] и др.). Нам же важно отметить, как воплощается пасхальный сюжет в «последнем псалме» писателя.

В «Архиерее», по справедливому замечанию В. И. Тюпы, разворачивается драматический конфликт между «данностью человека и его сущностью», который смыкается с темой душевного одиночества, непонимания, отчуждения, выступающей лейтмотивом зрелого творчества писателя [Тюпа, 1989. С. 86]. Обыденный сюжет – болезнь преосвященного Петра и его скоропостижная смерть на Святой неделе – восходит к мифологической трактовке библейского сюжета о Страстной неделе Иисуса Христа. Мучаясь от физического недуга (преосвященный страдает брюшным тифом), архиерей в то же время страдает от трудности самоопределения себя, своей сути, пытается разрешить коллизию между внутренней, «человеческой», и навязанной, «архиерейской», составляющей своей души. Его терзания и скорби по прошедшей напрасно жизни, желание поговорить с «живой» душой, которая бы разглядела в нем обычного человека, а не благочинного, перекличка событий, произошедших

с ним в течение Святой недели, соотносятся с окончанием жизненного пути Христа: «Хоть бы один человек, с которым можно было бы поговорить, отвести душу!» (т. 10, с. 199).

Именно поэтому время действия рассказа определяется пасхальным циклом: завязка рассказа и знакомство с героем относится к Вербному воскресенью, финал и смерть архиерея – к предпасхальной субботе. В течение недели происходило мучительное пробуждение и просветление духа преосвященного. Примечательно, что духовное воскресение героя осуществляется посредством обращения к мирскому, человеческому: тихой радости и улыбке матери, шуткам и непосредственности племянницы Кати, привычному ворчанию келейника Сысоя. Сюжетообразующая роль второстепенных персонажей в рассказе рассматривается в работах В. И. Тюпы [1989], А. С. Собенникова [1997].

Архиерей неоднократно обращается к детским воспоминаниям (дериваты от глагола *помнить* встречаются в тексте более десяти раз), когда он был простым сыном дьячка и любимая матушка была к нему «так нежна и чутка!» (т. 10, с. 188). Сейчас же она смотрела на сына с благолепием и робостью, стеснялась его присутствия и отказывалась признавать в нем близкого человека. Лишь перед смертью возникшая стена холода и непонимания между матерью и сыном была разрушена: «И ей тоже почему-то казалось, что он худее, слабее и незначительнее всех, и она уже не помнила, что он архиерей, и целовала его, как ребенка, очень близкого, родного» (т. 10, с. 200).

Радость освобождения от выполнения навязанных обществом функций и высвобождение из пут житейской суеты герой испытывает только перед смертью: «<…> и представлялось ему, что он, уже простой, обыкновенный человек, идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над *ним широкое небо, залитое солнцем* (курсив наш. – *Я. О.*), и он свободен теперь, как птица, может идти, куда угодно!» (т. 10, с. 200). Его кончина перед Пасхой – знак особой божьей милости. К этому сюжетному ходу Чехов уже прибегал ранее в пасхальном рассказе «Святою ночью», повествуя о смерти праведника иеродьякона Николая.

В приведенной цитате не случайны описания картин природы и окружающего мира – мотив пробуждения жизни, неоднократно повторяющийся в произведении, соотносится с мотивом спасения души героя. Можно предположить, что архиерей в его стремлении к единению с простыми людьми, опрощению видит себя частью целого природного мира, продолжением традиции: «Отец его был дьякон, дед – священник, прадед – дьякон, и весь род его, быть может, со времен принятия на Руси христианства, принадлежал к духовенству, и любовь его к церковным службам, духовенству, к звону колоколов была у него врожденной, глубокой, неискоренимой» (т. 10, с. 198).

Статус «родового человека», противопоставленный статусу человека «цивилизованного», оторванного от родины и родных, в рассказе подчеркивается связью с окружающим природным миром, поэтому в детских воспоминаниях героя – блеянье овец, скрип колес, церковный благовест и летние солнечные утра. Перед смертью благочинному не хочется в большой город или заграницу, он мечтает идти по полю с клюкой, наслаждаться простором и свободой. «В данном случае поле равно пути, путь же, дорога означают открытость и незавершенность. Дорога противоположна всему, имеющему границу, предел, в том числе стенам, которые в прямом и переносном смысле отделяют героя от других людей» [Собенников, 1997. С. 148]. Воспоминания героя, его обращение к своим истокам, описания расцветающей, оживающей вместе с весной природы – это не что иное, как «вспышки-молнии», возможность на краткий миг осознать бытийный смысл существования.

Заключение

Таким образом, в анализируемых рассказах А. П. Чехова определяется взаимосвязь прошлого и настоящего, говорится о важности обращения к своим истокам и возможности на короткий миг осознать бытийный смысл существования. На примере этого пасхального «цикла» можно проследить изменение творческого метода писателя, поиск идейно-художественных доминант, формирование его особой философской позиции, заключающейся

в важности самоопределения, личностного роста и отсутствии готового алгоритма «прохождения» жизненного пути.

Список литературы / References

Бердников Г. П. А. П. Чехов. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 637 с.

Жилякова Э. М. Последний псалом А. П. Чехова («Архиерей») // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1994. Вып. 1. С. 262–284.

Калениченко О. Н. Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX – начала XX века: святочный и пасхальный рассказы, модернистская новелла: Дис…. канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 246 с.

Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург: Екатеринбург. гос. пед. ун-т, 1998. 399 с.

Линков В. Я. Художественный мир прозы А. П. Чехова. М.: Изд-во МГУ, 1982. 128 с.

Парфенов А. И. Традиции русского романтизма в прозе А. П. Чехова 1888–1903 гг.: Дис. … канд. филол. наук. М., 2016. 218 с.

Собенников А. С. Между «есть Бог» и «нет Бога»: о религиозно-философских традициях в творчестве А. П. Чехова. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 222 с.

Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа. М.: Высш. шк., 1989. 135 с.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М.: Наука, 1976. Т. 5. 704 с.; Т. 6. 736 с.; 1977. Т. 8. 528 с.; Т. 10. 496 с.

Шехватова А. Н. Мотив в структуре Чеховской прозы: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.

References

Berdnikov G. P. A. P. Chekhov [A. P. Chekhov]. Rostov on Don, Feniks Publ., 1997, 637 p. (in Russ.)

Zhilyakova E. M. Posledniy psalom A. P. Chekhova («Arkhierei») [The Last Psalm of A. P. Chekhov (“Bishop”)]. In: Evangel’skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vv. [Evangelic Texts in Russian Literature of 18th –20th Centuries]. Petrozavodsk, PSU Press, 1994, no. 1, p. 262–284. (in Russ.)

Kalenichenko O. N. Sud’by malykh zhanrov v russkoi literature kontsa XIX – nachala XX veka: svyatochnyi i paskhal’nyi rasskazy, modernistskaya novella [Small Genres in Russian Literature of the Late 19th – Early 20th Century: Christmas and Easter Stories and Modernist Novel]. Cand. phil. sci. dis. Volgograd, 2020, 246 p. (in Russ.)

Kubasov A. V. Proza A. P. Chekhova: iskusstvo stilizatsii [A. P. Chekhov’s Prose: The Art of Pastiche]. Ekaterinburg, Ekaterinburg State Pedagog. Uni. Press, 1998, 399 p. (in Russ.)

Linkov V. Ya. Khudozhestvennyi mir prozy A. P. Chekhova [The Artistic World of A. P. Chekhov’s Prose]. Moscow, MSU Press, 1982, 128 p. (in Russ.)

Parfenov A. I. Traditsii russkogo romantizma v proze A. P. Chekhova 1888–1903 [Traditions of Russian Romanticism in A. P. Chekhov’s Prose of 1888–1903]. Cand. phil. sci. dis. Moscow, 2016, 218 p. (in Russ.)

Sobennikov A. S. Mezhdu “est’ Bog” i “net Boga”: o religiozno-filosofskikh traditsiyakh v tvorchestve A. P. Chekhova [Between ‘There is God’ and ‘There is No God’: On Religious and Philosophical Traditions in the Works of A. P. Chekhov]. Irkutsk, Irkutsk State Uni. Press, 1997, 222 p. (in Russ.)

Tyupa V. I. Khudozhestvennost’ chekhovskogo rasskaza [On the Artistic Merit of Chekhov’s Stories]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989, 135 p. (in Russ.)

Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. [Complete Works and Letters: In 30 vols. Works: In 18 vols]. Moscow, Nauka, 1976, vol. 5, 704 p.; vol. 6, 736 p.; 1977, vol. 8, 528 p.; vol. 10, 496 p. (in Russ.)

Shekhvatova A. N. Motiv v strukture Chekhovskoi prozy [Motif in the Structure of Chekhov's Prose]. Cand. phil. sci. dis. St. Petersburg, 2003. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
21.12.2020

Сведения об авторе

Козлова Яна Олеговна, соискатель кафедры истории и теории литературы, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)

aworknsk@yandex.ru

Information about the Author

Yana O. Kozlova, Applicant for a Degree of Candidate of Philology, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

aworknsk@yandex.ru